

Article No. 260

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.16>

Научно-исследовательская статья / Research article

Copyright © 2021 SRG and V. Odinochenko¹

Citation:

Одиноченко, В. (2021). В. Соловьев о Ф. Ницше: проблема «смерти Бога». *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 280–286. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.16>

Odinochenko, V. (2021). V. Solov'ev o F. Ničše: problema „smerti Boga”. *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 280–286. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.16>

В. СОЛОВЬЕВ О Ф. НИЦШЕ: ПРОБЛЕМА «СМЕРТИ БОГА»

ВИКТОР ОДИНОЧЕНКО / VIKTOR ODINOSHENKO

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины /
Francisk Skorina Gomel State University

Факультет истории и межкультурных коммуникаций / Faculty of History
and Intercultural Communication

Кафедра философии / Department of Philosophy

ул. Кирова 119, корп. 2, 246019, Гомель, Беларусь / Kirova St. 119, BY-246019, Gomel, Belarus

Corresponding Author e-mail: adzin28@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7617-3248>

(получено / received 7.07.2021; принято / accepted 23.07.2021)

Abstract

V. Solovyov about F. Nietzsche: the problem of the “death of God”

The article presents an analysis of V. Solovyov's perception of F. Nietzsche's philosophical and religious views, his understanding of the idea of the death of God in the axiological and ontological aspects, taking into account the evolution of thinking of this controversial and extraordinary German philosopher's personality.

Keywords: values, Christianity, axiology, ontology, religiosity.

¹ This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/>) which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Language [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny]

Резюме

В статье представлен анализ восприятия В. Соловьевым философских и религиозных взглядов Ф. Ницше, осмысления идеи смерти Бога в аксиологическом и онтологическом аспектах, с учетом эволюции мышления противоречивой и неординарной личности немецкого философа.

Ключевые слова: ценности, христианство, аксиология, онтология, религиозность.

Владимир Соловьев писал о Фридрихе Ницше как о модном философе. В конце XIX века российская читающая публика заинтересовалась им после увлечения Ч. Дарвином и О. Контом, а до этого – Г.В.Ф. Гегелем. Ницше остается модным и сейчас, его имя знают на уровне массового сознания. Очевидно, основную роль в этом продолжает играть слава скандального характера. В советский период его определяли «крайне реакционным немецким философ-идеалистом, откровенным апологетом буржуазной эксплуатации и агрессии, прямым предшественником фашистских „идеологов”» (Розенталь 1954: 403).

Мы можем назвать европейских философов, которые являются гораздо более близкими нам и хронологически, и по проблематике. В моде на Ницше есть то, что должно быть осмыслено. Ему присущи парадоксальные мысли о человеке, морали, религии. В Советском Союзе в его идеях содержался привкус запрещенности и вызывающей свободы как отличие от официального марксизма и классической философии. Это был «спецхрановский» мыслитель. Сейчас Ницше, по крайней мере тот, имя которого молодежь знает на фоне общего падения уровня гуманитарной культуры, упоминает названия некоторых его работ. Несомненно, что этим дело и ограничивается. Ницше – крайне сложный для понимания мыслитель. Он принадлежал к длительной философской традиции, основы которой были заложены в Греции, и в своих произведениях опирался на глубокие знания этих основ. Говорил о проблемах, поставленных античными философами и имеющими фундаментальный характер. Причем для Ницше характерен неожиданный ракурс их трактовки, понять суть которого может только человек, обладающий философской подготовкой.

Именно от Ницше берут истоки многие новаторские движения в европейской духовной культуре XX века. Что касается философии, то, по словам Жюльена Делеза, «совершенно очевидно, что современная философия, в значительной своей части, жила и живет до сих пор за счет Ницше» (Делез 2003: 33). При этом тех философов, на которых оказал влияние Ницше, понять гораздо легче, несмотря на разветвленность схем мысли и намеренно сложную терминологию. Но их произведения имеют теоретический характер, для понимания которых необходимы только рациональные усилия.

Произведения Ницше представляют собой пророчества и дифирамбы. Это огромный клад афоризмов, из которых можно составить несколько сборников парадоксальной житейской мудрости. Для современного читателя Ниц-

ше, не склонного к аналитике и не знакомого с философскими проблемами, за внешней эффектностью положений теряется их теоретическое содержание, что обуславливает поверхностное восприятие идей. Трудность для понимания создает субъективизм Ницше, он постоянно подчеркивается. Ницше не просто говорит от себя, но говорит из глубины своего я, при этом целенаправленно не претендуя на общезначимость. Он «не для всех». Соловьев писал, что для Ницше «философия есть личное творчество единичного мыслителя и выражает только содержание его субъективности» (Соловьев 1998: 825).

Его идеи нередко воспринимаются как личные мнения оригинального мыслителя. Поэтому утрачивается их направленность и содержание. На оригинальность и парадоксальность ориентирована современная культура. Зачастую они сводятся к голой эпатажности, которая и является конечной целью. У Ницше же парадоксальность идей является средством выражения их философского смысла. Кроме того, его произведения имеют ярко выраженный литературный характер. Это не трактаты, построенные по образцу естественнонаучных, как в классической философии, поэтому для их восприятия необходимо сопереживание. Ницше во многом понимается на уровне чувств. Понимание Ницше облегчает то, что он выступал как пророк, говорящий не от себя, а от некоей вдохновляющей его высшей силы. Мы можем оставить за скобками ее трактовку. Соловьев считал, что эта сила имеет демонический характер. Однако учет пророческой составляющей идей Ницше позволяет выявить их объективное содержание.

Мы хотели бы указать на экзистенциальную схожесть Соловьева и Ницше. Они были одиночными людьми, как необычное современниками воспринималось не только их мышление, но и поведение. Оба обладали несомненным литературным талантом, а также склонностью к пророчествам о судьбах мира. У Ницше их концентрированным выражением является *Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого* (1883–1885), у Соловьева – *Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории* (1900). Объединяет их также мистический опыт.

Но более существенным является то, что Ницше и Соловьев находились на переломе европейской культуры. Одним из его аспектов являлся ценностный кризис. До этого система европейских ценностей опиралась на христианство. Во второй половине XIX века прочность этой основы была подвергнута сомнению. Поэтому у обоих мыслителей значительное место занимает религиозная проблематика. Однако если Соловьев пытался развивать философию на основе обновленных христианских ценностей, то Ницше считал, что для движения вперед их нужно разрушить.

Также следует учитывать, что они принадлежали к разным философским традициям. Соловьев характеризуется как первый русский оригинальный философ. Он дал начало движению религиозно-философского ренессанса и определил проблематику, разрабатываемую в дальнейшем наиболее известными русскими философами XX века. Считал своей задачей преодоление одностороннего рационализма европейской философии и формирование цельного знания. Поэтому направление движения видел в объединении философии и религии.

Ницше же находился в другой среде. В Германии существовала мощная философская традиция, вершиной которой явились системы немецкой классической философии. Его мышление имеет полемическую направленность. Новизна у Ницше возникает как результат отрицания. Этим он задал одну из основных тенденций европейской культуры XX столетия. Она во многом строилась на основе полемики с классикой.

У Соловьева присутствует личностное отношение к Ницше. Мы можем обозначить его как резко критическое по отношению к идеям, но сочувственное к автору. С Ницше его объединял опыт поисков. Соловьев считал идеи Ницше заблуждением, результатом движения в ложном направлении. Ключевым для понимания отношения Соловьева к Ницше, на наш взгляд, является следующее замечание: «Как известно, этот несчастный писатель, пройдя через манию величия, впал в полное слабоумие» (Соловьев 1988: 88).

Несмотря на моду на Ницше, анализу его взглядов и оценке его как наиболее интересного современного философа, задавшего характер будущего мышления, Соловьев посвятил только две статьи: *Словесность или истина?* (1897) и *Идея сверхчеловека* (1899). Также отдельные упоминания о нем имеются в других работах. Однако в рассуждениях Соловьева о Ницше поднят широкий круг философских проблем. Поэтому мы сможем рассмотреть их только частично. И сделаем упор на личное отношение Соловьева к идеям Ницше, поскольку они не имели для него теоретического характера. В работе *Словесность или истина?* высказывания Соловьева о Ницше являются резко критическими. Соловьев характеризовал его идеи как результат словесных построений:

Сам Ницше, думая быть действительным сверхчеловеком, был только сверхфилологом. При своей даровитости, исключительно кабинетный ученый, не испытывавший настоящего никакой жизненной драмы (как видно из его биографии), Ницше тяготился не границами земной человеческой природы, – о которой он, помимо книг, имел лишь очень одностороннее и элементарное познание, – его теснили границы филологии (Соловьев 2001: 293-294); вся его проповедь сводится к одним словесным упражнениям, прекрасным по литературной форме, но лишенным всякого действительного содержания (Соловьев 2001: 295).

Несомненно, эти характеристики несправедливы. Соловьев увидел только литературу. Но Ницше, безусловно, великий мыслитель. Его легко критиковать, но требуются усилия для того, чтобы понять направленность и значимость его мыслей. В качестве помощи могут послужить работы Я. Хайдеггера и Ж. Делеза, которые говорили о мышлении Ницше как о поворотном этапе в философии. Но в тоже время Ницше действительно был по образованию классическим филологом, и это отразилось на стиле его мышления и, в конечном итоге, на идеях. Их неприятие может возникнуть как на уровне первоначального чтения, так и вследствие осознания их возможных социальных последствий.

В работе *Идея сверхчеловека* Соловьев стремился занять доброжелательную позицию по отношению к идеям Ницше:

Теперь я хочу не разбирать ницшеанство с философской или исторической точки зрения, а лишь применить к нему первое условие истинной критики: показать главный принцип

разбираемого умственного явления – насколько это возможно – с хорошей стороны (Соловьев 1988Б: 628).

В России философия Ницше была воспринята через призму идеи сверхчеловека. В ней увидели призыв к творчеству и преобразованию – как себя, так и реальности. Соловьев говорил о том, что сама эта идея является истинной: «Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека. Если он взаправду хочет, то и может, а если может, то и должен» (Соловьев 1988Б: 629). Но у Соловьева присутствует специфическая трактовка выхода человека за свои пределы. Он связывал его с бессмертием, которое проповедуется в христианстве. Сверхчеловеку Ницше Соловьев противопоставил Богочеловека Иисуса Христа, победившего смерть телесным воскрешением. Считал, что сама идея сверхчеловека истинна, но предложенное для ее реализации решение ложно. При этом он отмечал, что у Ницше «различие между истиной и заблуждением не имеет для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь, и правду этой удивительной доктрины» (Соловьев 1988Б: 628).

Трактовка сверхчеловека у Ницше имеет, на взгляд Соловьева, эстетический характер, представлена следующим образом:

Есть смысл в жизни, именно в ее эстетической стороне, в том, что сильно, величественно, красиво. Отдаться этой стороне жизни, охранять и укреплять ее в себе и вне себя, доставлять ей преобладание и развивать дальше до создания сверхчеловеческого величия и новой чистой красоты – вот задача и смысл нашего существования (Соловьев 1988А: 87).

Двигаясь в русле такого понимания, Соловьев писал, что с чисто эстетической точки зрения человек как раз терпит поражение, поскольку неизбежно превращается в жалкий труп. Отсюда и противопоставление эстетизму христианства. Отметим, что оно имеет слишком упрощенный и формальный характер. Соловьев писал о том, что

(...) несчастный Ницше в последних своих произведениях заострил свои взгляды в яростную полемику против христианства, обнаруживая при этом такой низменный уровень понимания, какой более напоминает французских вольнодумцев XVII века, нежели современных немецких ученых. Приписывая христианство исключительно низшему социальному классу, он не видит даже того простого факта, что евангелие с самого начала принималось не как проповедь сомнительного возмущения, а как радостное известие о верном спасении (Соловьев 1988А: 88).

Здесь критика ведется с точки зрения христианства. Абсолютно правильно, что такая его трактовка является поверхностной. Это религия не утешения, а спасения. Однако это указание не затрагивает сущность подхода Ницше. Он не был религиозным философом, но философом культуры, поставившим вопрос о жизненном смысле ее ценностей. Ницше стремился создать жизнеутверждающую философию, чтобы ценности не подчиняли себе волю человека, но способствовали ее возрастанию.

Ценность для нас представляют сами вопросы, поставленные Ницше. Не столь важны его нападки на христианство. Дело в том, что Ницше стремился

разрушить все схемы классической культуры. На его критику религии легко ответить, что и сделал Соловьев. Кроме того, антихристианство Ницше базируется на понимании жизненного значения того, что отрицается. Идея сверхчеловека вытекает из идеи смерти Бога. Мы рассматриваем ее как основу мышления Ницше. Она была сформулирована в *Веселой науке* (1882): «Величайшее из новых событий – что „Бог умер” и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия – начинает уже бросать на Европу свои первые тени» (Ницше 1990: 662). Последствия этого события привели к онтологической дезориентации:

Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? (Ницше 1990: 592–593).

Смерть Бога означает утрату трансцендентных ценностей. Этим обусловлен трагизм существования европейского человека XX века. С одной стороны, он обрел невиданную доселе свободу и может поступать, исходя из своих желаний. С другой, произошла утрата оснований морального поведения. Поэтому человек должен выработать их сам.

Что (при всей их несхожести) сближает Соловьева и Ницше и отличает от нас, так это понимание того, что такое христианство, и того, что утрачено вместе со смертью Бога. Это можно сформулировать как идею богооставленности. Для нас не актуальны переживания Ницше по поводу смерти Бога. Мы изначально находимся в мире, где он отсутствует, и поэтому не понимаем, к каким последствиям приводит его смерть. На наш взгляд, проблема имеет не аксиологический, но онтологический характер. Для нас изначально является плоский мир, определяемый материальным бытием. И поэтому необходимы усилия по обретению его вертикального измерения. Ницше считал, что для этого необходимо самоосуществление человека. В Советском Союзе были предложены высокие идеалы построения справедливого общества. После краха коммунистической идеологии мир стал многообразным, но основные его характеристики задаются идеей ценности индивида, самостоятельно выбирающего способы своего существования. Идея смерти Бога является одной из центральных в культуре XX века. Она плодотворна для интеллектуалов, но только как постановка вопроса о природе ценностей. На ней нельзя построить поведение.

Отметим, что в аксиологическом смысле та система ценностей, которая построена на основе христианских положений, не утратила своего ориентирующего значения и сейчас. Даже неверующие люди опираются на понимание ценности человека, свободы, творчества, выработанного в христианстве. Мы не можем найти этого в других религиях. Кроме того, в ситуации глобализации происходит осознание европейцами своей культурной специфики и ее обусловленности положениями христианства.

Актуальным является поставленный Ницше вопрос о природе ценностей и их ориентирующем значении. Хотя опыт XX века показал, что его призыв

к переоценке всех ценностей может привести к разрушительным последствиям. Но в то же время для нас значимы приведенные выше сочувственные слова Соловьева о Ницше как несчастном человеке, одержимом манией величия и впавшем в слабоумие. Они соотносятся с библейским «Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога”» (Пс. 13, 1). Ценности имеют характер ориентиров человеческого поведения. Их утрата ведет к состоянию дезориентации.

Наша страна сейчас находится на переломном этапе своей истории. Ницше для нас значим как мыслитель, поставивший радикальные и глубокие вопросы. Но сейчас постепенно выявляется возможность широкого спектра ответов. Не все из них могут быть приемлемыми.

Библиография / References

- Delez, Ž. (2003). *Nicše i filozofiâ*. Moskva: Ad Marginem [Делез, Ж. (2003). *Ницше и философия*. Москва: Ад Маргинем].
- Nicše, F. (1990). *Veselaâ nauka*. V: *Sočineniâ: v dvuh tomah*. Т. 1. Moskva: Mysl': 491–719 [Ницше, Ф. (1990). *Веселая наука*. В: *Сочинения: в двух томах*. Т.1. Москва: Мысль: 491–719].
- Rozental', M. (1954). *Kratkij filozofskij slovar'*. Moskva: Gospolitizdat [Розенталь, М. (1954). *Краткий философский словарь*. Москва: Госполитиздат].
- Solov'ev, V.S. (1988a). *Idea sverhčeloveka*. V: *Sočineniâ: v dvuh tomah*. Т.1. Moskva: Mysl': 626–634 [Соловьев, В.С. (1988а). *Идея сверхчеловека*. В: *Сочинения: в двух томах*. Т.2. Москва: Мысль: 626–634].
- Solov'ev, V.S. (1988b). *Opravdanie dobra. Nравstvennaâ filozofiâ*. V: *Sočineniâ: v dvuh tomach*. Т. 1. Moskva: Mysl': 47–548 [Соловьев, В.С. (1988б). *Оправдание добра. Нравственная философия*. В: *Сочинения: в двух томах*. Т.1. Москва: Мысль: 47–548].
- Solov'ev, V.S. (1998). *Teoretičeskaâ filozofiâ*. V: *Sočineniâ: v dvuh tomah*. Т. 1. Moskva: Mysl': 757–831 [Соловьев, В.С. (1998). *Теоретическая философия*. В: *Сочинения: в двух томах*. Т.1. Москва: Мысль: 757–831].
- Solov'ev, V.S. (2001). *Slovesnost' ili istina? V: Nycše: Pro et contra. Antologija*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta: 293–296 [Соловьев, В.С. (2001). *Словесность или истина? В: Ницше: Pro et contra. Антология*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института: 293–296].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.